

Л.В. Клименко

ИДЕНТИЧНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ АДЫГЕЯ: СООТНОШЕНИЕ ОБЩЕРОССИЙСКОГО, РЕГИОНАЛЬНОГО И ЭТНИЧЕСКОГО КОМПОНЕНТОВ

В статье рассматриваются этнокультурные особенности формирования многоуровневой идентичности населения Республики Адыгея. На основании результатов прикладного социологического исследования проводится сравнительный анализ структуры социальных идентичностей адыгейского и русского населения по осям личностной и групповой идентификаций. Исследуется выраженность уровневых компонентов в региональной идентификации местных жителей.

Ключевые слова: титульный этнос, общероссийская, региональная, этническая идентичность, «я-идентификация», групповая идентификация, этнокультурная специфика.

Keywords: titular ethnos, regional, ethnic identity, personal and group identity, ethnocultural specific features.

Юг России обладает сложным многосоставным содержанием, включающим ярковыраженный этнический, конфессиональный, лингвистический и этнохозяйственный компоненты. Его отличает противоречивая история межкультурного взаимодействия, миграционная активность, неоднородность локальных и субрегиональных единиц по выделенным параметрам и по длительности вхождения в состав нового административного образования — Южного федерального округа. Все это затрудняет формирование единого социокультурного пространства региона, которое бы нивелировало этническую напряженность или даже конфликтность в различных территориях ЮФО.

В настоящее время задача управления межэтническими отношениями нацелена на достижение культурного плюрализма. Эта модель под-

разумеает одновременное сосуществование гражданского, этнокультурного (включая конфессиональный элемент) и регионального компонентов. Поддержание такой многоуровневой конструкции требует адресной политики, цель которой — формирование гражданской (общероссийской) идентичности как доминанты общественного сознания населения в целом и каждой из его этнических групп. Такое ценностное основание выступает гарантом утверждения правовых способов регулирования бытовых конфликтов, что препятствует их переводу в плоскость локальных межэтнических конфликтов.

Вместе с тем, политический процесс на Юге России в кризисные 1990-е гг. свидетельствует о том, что в сложных трансформационных условиях сложилась этнополитическая идентичность, базовым основанием которой выступило национальное (этническое) самосознание, которое было закреплено в политических институтах (Хоперская: 2009 252–265). Стабилизация политического процесса в последние годы не вызвала ожидаемого укрепления общероссийской идентичности в этом регионе. Напротив, начался этап реполитизации этничности с одновременным активным включением в этнополитические процессы конфессионального фактора, «... который будет постепенно замещать этнический в определении вектора регионального политического развития» (Авксентьев, Бабкин, Хоц 2006: 41). Видимо, поэтому утверждение надэтнической и надконфессиональной российской идентичности невозможно без формирования устойчивой региональной идентичности, основанием которой должны являться общегражданские ценности.

Изучение идентичности показывает ее сложную природу. Можно выделить семь наиболее распространенных позиций, по которым происходит самоотождествление индивида: 1) положение в аскриптивных группах (половозрастных, семейных, расовой); 2) принадлежность к различным формам культурных групп (цивилизационной, этнокультурной, конфессиональной); 3) принадлежность к государственному образованию (нация); 4) территориально-региональная принадлежность (поселенческие общности разного уровня — село, город, федеральная единица — регион страны); 5) профессионально-экономическая группа; 6) политико-мировоззренческая принадлежность (партия, группа интересов, идеологическое течение); 7) круг социального общения (приятельская компания, друзья, коллеги и пр.) (Денисова, Дмитриев, Клименко 2010: 10–11).

Операциональными подходами для задач настоящего исследования явились социологическая схема формирования идентичности индивида, описанная З. Бауманом, и типология идентичности, предложенная М.Н. Губогло.

С точки зрения З. Баумана, на основании эмпатийной близости и интенсивности контактов формируются первичные группы, которые обеспечивают психологическую безопасность и комфорт и воспринимаются как изначально и объективно заданные (примордиальные). К таким группам можно отнести семью, близкий круг общения. В свою очередь, отдаленность людей и редкость (или отсутствие) контактов дает основание для определения других типов групп — «Они» и «Чужие». Не контактные и большие по численности группы представляют собой воображаемые сообщества, *вторичные группы*. К ним относятся такие группы, как класс, поколение, этническая общность, гражданственность (Бауман 1996). М.Н. Губогло, в свою очередь, выделяет 4 вида идентичности: примордиально-инструментальную (гендерная, семейная); этнокультурную (этническую и религиозную); социально-конструктивистскую (профессиональную, социальную, собственническую); территориально-гражданственную (региональную и гражданственную) (Губогло 2003).

Таким образом, в качестве концептуальных рамок изучения идентичности населения полиэтничного региона выступило понимание *гражданской идентичности* как комплекса представлений, норм и моделей поведения, основой которых выступает чувство принадлежности к российскому государству. Гражданские идентификации связаны с взаимодействием людей с государственными институтами. Основой *этнической идентичности* выступает чувство принадлежности к конкретной этнокультурной общности. Эта принадлежность к группе формируется с раннего детства на базе родственных связей, мифов, исторических легенд о происхождении своего народа. Поэтому широко распространено представление о некоей «врожденности» этнической идентичности.

В свою очередь *региональная идентичность* представляет собой особый вид социально-общностной идентичности, характеризующейся процессом самоотнесения индивида к определенному территориально ограниченному сообществу (региону). Данный тип идентичности конструируется ее субъектом в течение жизни и при изменении окружающей среды (в результате миграции, смены социально-экономических условий жизни, политического статуса территории и т. д.) может трансформироваться. В регионах, отличающихся сложной этнической и конфессиональной структурой, региональная идентичность выполняет функцию усиления гражданской идентичности по отношению к этноконфессиональной и локально-территориальной (Денисова, Дмитриев, Клименко 2010: 92).

Описанная постановка проблемы определила содержание конкретно-прикладного социологического исследования, реализованного

в 2010 г. в Республике Адыгея. Методом стандартизированного интервью было опрошено 398 жителей Республики. Из них 41,6 % мужчин и 53,9 % женщин. Возрастные группы опрошенных распределились следующим образом: 18–24 года — 13,4 %, 25–34 года — 28,0 %, 35–44 года — 24,9 %, 45–54 года — 17,8 %, 55–60 лет — 6,8 %, старше 60 лет — 9,2 %.

Для эмпирического изучения структуры социальной идентичности в комбинированном виде применялись социально-психологические методики анализа множественных идентичностей: 1) «я-идентификация», как индикатор распространенности, приоритетности и структуры личностной самоидентификации; 2) «мы-идентификация», как показатель включенности людей в определенный тип общностей.

Методика фиксирования «я-идентификаций» была предложена польскими учеными К. Косэлой, М. Грабовской, Т. Шавелем, Е. Колбовской (Данилова 2006: 75–76). В нашем случае эта методика использовалась в адаптированном варианте. Респондентам задавался вопрос: «Что вы думаете о себе? Из характеристик, предложенных в карточках, отберите те, которые вы относите к себе, и отложите их в сторону. А затем разложите эти карточки по степени важности для вас». Опрашиваемый получал набор карточек с различными характеристиками, из которых он выбирал 10 наиболее ему подходящих. Далее респондента просили ранжировать отобранные характеристики по степени важности, соответственно, по десятибалльной шкале (где 1 — наиболее, а 10 — наименее важная характеристика). Таким образом, для каждого участника опроса получался определенный набор релевантных ему социальных характеристик, дифференцированных по степени их значимости.

Другой применяемый в исследовании подход к фиксированию «мы-идентификации» представляет собой модифицированный вариант методики, используемой в работах В.А. Ядова и его коллег (Ядов 1993: 167–174; Данилова 2000: 76–86). В нашем опросе респонденту нужно было отобрать не более 5 вариантов ответов на вопрос: «Мы часто встречаем различных людей. С одними мы быстро находим взаимопонимание, другие нам представляются скорее чужими. О каких группах вы можете сказать: “это мы”? К каким группам людей вы чаще всего себя относите?». Различия методик в том, что они акцентируют внимание на различных механизмах идентификации. Психологический механизм отбора я- и мы-идентификаций во многом аналогичен — в обоих случаях задействуются когнитивные структуры психики человека. Однако, в отличие от отбора карточек (я-идентификаций), где респондент фокусирует внимание на своей собственной принадлежности к социальным общностям, в вопросе о мы-идентификациях акцент смещается на бо-

лее эмоциональное отношение респондента к другим окружающим его людям, группам или воображаемым сообществам, соотнося себя с которыми, он чувствует их близость или отторжение (Данилова 2006: 77).

Данные подходы исследования гражданских и этнических идентичностей уже были апробированы в российских и международных исследованиях и хорошо себя зарекомендовали.

В свою очередь, региональная идентичность операционализировалась в инструментарии опроса через три составляющих ее уровня: 1) *макрорегиональная* идентичность — *макроуровень* (отождествление с населением Юга России и / или Северного Кавказа); 2) *субрегиональная* идентичность — *мезоуровень* (близость с населением Республики Адыгея); 3) *локальная* региональная идентичность — *микроуровень* (идентификация с жителями своего населенного пункта).

Эмпирические результаты исследования «*я-идентификаций*» **титульного населения** республики (45,6 % от всего массива) показывают, что на двух первых позициях в этой группе размещаются *примордиальные* идентичности, которые по степени значимости собирают наибольшее число ответов (семейные статусы — 75,3 % и 55,6 %, гендерные статусы — 71,3 %). В третью очередь адыгейцы отождествляют себя с представителями своей этнической группы (60,1 %). На четвертом месте в рейтинге распространенности располагается гражданская идентификация (57,3 %), которая занимает *первое место* по степени значимости (40,2 %). (см. табл. 1).

В первую пятерку идентификаций титульного этноса Адыгеи попадает *субрегиональная* идентичность как определение себя жителем республики (56,2 %). В первую десятку рейтинга распространенности вошел также и локальный уровень региональной идентичности: близость с жителями своего населенного пункта отметили 36,5 % респондентов, тогда как макроуровень регионального отождествления «адыгейского» сегмента не поднимается выше 14 места (см. табл. 1).

Изучение характера личностной идентификации «*русского*» **сегмента** населения РА (25,4 % от всего массива) демонстрирует, что здесь доля гражданских идентификаций гораздо выше, чем в «адыгейской» группе, и занимает 2 позицию в рейтинге распространенности (70,1 %) и 1 место по степени значимости (33,3 %). Кроме того, на втором месте располагается и близость со своей национальной группой (70,1 %), которая на лидирующие по важности позиции выносятся уже меньшим числом респондентов (9,3 %). Немного более важными для русских жителей РА оказываются идентификации с реальными группами повседневного общения (гендер, семья собирают от 73,8 % до 57 %, что соответствует 1, 4 и 5 местам в рейтинге). Вместе с тем, по степени

Таблица 1

Рейтинг «я-идентификаций» адыгейского населения РА* (в %)

Идентификация	Распростра- ненность	Ранг				
		1	2	3	4	5
1. мать/отец/сын/дочь	75,3	18,7	23,1	14,9	21,6	3,7
2. мужчина/ женщина	71,3	37,8	30,7	4,7	3,1	7,1
3. представитель своего народа (русский, армянин, турок и пр.)	60,1	10,3	23,4	27,1	7,5	6,5
4. гражданин России	57,3	40,2	12,7	6,9	8,8	3,9
5. <i>житель Адыгеи</i>	56,2	4,0	3,0	7,0	8,0	10,0
6. жена/муж	55,6	8,1	13,1	24,2	17,2	10,1
7. мусульманин	46,1	11,0	9,8	8,5	9,8	13,4
8. молодой / пожилой/ средних лет	43,3	2,6	2,6	9,1	7,8	18,2
9. человек с будущим	40,4	1,4	9,7	6,9	5,6	9,7
10. <i>житель своего города / села</i>	36,5	<i>1,5</i>	<i>4,6</i>	<i>15,4</i>	<i>16,9</i>	<i>16,9</i>
11. человек, добившийся всего сам	36,5	9,2	7,7	6,2	12,3	10,8
12. представитель своей профессии	34,3	3,3	4,9	4,9	14,8	13,1
13. успешный человек	32,0	3,5	3,5	8,8	15,8	7,0
14. <i>житель Северного Кавказа</i>	<i>24,7</i>	-	-	4,5	11,4	4,5
15. человек с достатком	23,6	4,8	2,4	11,9	11,9	11,9
16. глава семьи	21,9	5,1	2,6	5,1	7,7	10,3
17. усталый человек	18,5	-	-	3,0	6,1	18,2
18. хозяин	16,3	3,4	6,9	13,8	6,9	13,8
19. пенсионер	14,0	8,0	16,0	16,0	4,0	8,0
20. фермер, предприниматель	14,0	4,0	-	-	12,0	12,0
21. <i>житель Юга России</i>	<i>11,8</i>	-	4,8	9,5	4,8	19,0
22. подчиненный	11,2	-	-	-	5,0	15,0
23. безработный	10,1	-	5,6	16,7	11,1	11,1

* Здесь и далее в таблицах «я-идентификаций» представлены те характеристики, которые по уровню распространенности превышают 10 % порог.

значимости «вес» примордиальных идентификаций все же выше, чем этнических (см. табл. 2).

Чувство тождественности с населением региона фиксируется преимущественно на локальном уровне — позицию «житель своего города / села» выбрало 40,2 % опрошенных русских, что составляет 6 место по степени представленности. А лидирующей в региональной идентификации у половины респондентов «адыгейской» группы оказалась близость с населением республики — ее выбрали 39,3 % опрошенных «русского» сегмента, и это 5 место в рейтинге (а в первом случае 8 место). Обращает на себя внимание также и то, что с жителями Северного Кавказа себя чаще отождествляют адыгейцы, нежели респонденты русской национальности (24,7 % и 14 позиция в рейтинге в первой группе против 17,8 % и 17 позиции — во второй). И, наоборот, среди русского населения Адыгеи более выражена идентификация с Югом России (11,8 % и 21 место против 19,6 % и 14 места соответственно) (см. табл. 1–2).

Таблица 2

Рейтинг «я-идентификаций» русского населения РА (в %)

Идентификация	Распространенность	Ранг				
		1	2	3	4	5
1. мужчина/ женщина	73,8	27,8	27,8	7,6	8,9	3,8
2. гражданин России	70,1	33,3	18,7	6,7	17,3	5,3
3. представитель своего народа (русский, армянин, турок и пр.)	70,1	9,3	16,0	29,3	5,3	10,7
4. мать/отец/сын/дочь	64,5	24,6	14,5	13,0	18,8	8,7
5. жена/муж	57,0	6,6	24,6	13,1	18,0	8,2
6. <i>житель своего города / села</i>	40,2	2,3	9,3	14,0	7,0	18,6
7. православный	40,2	4,7	11,6	11,6	11,6	9,3
8. <i>житель Адыгеи</i>	39,3	9,5	2,4	7,1	4,8	11,9
9. молодой / пожилой/ средних лет	38,3	-	2,4	14,6	4,9	17,1
10. человек, добившийся всего сам	33,6	2,8	11,1	19,4	16,7	11,1
11. представитель своей профессии	31,8	5,9	8,8	8,8	20,6	5,9
12. человек с будущим	31,8	2,9	11,8	5,9	8,8	14,7
13. успешный человек	22,4	4,2	-	-	8,3	8,3

14. <i>житель Юга России</i>	19,6	4,8	4,8	4,8	9,5	14,3
15. глава семьи	18,7	10,0	10,0	-	-	-
16. человек с достатком	17,8	5,3	-	5,3	10,5	10,5
17. <i>житель Северного Кавказа</i>	17,8	-	-	-	5,3	-
18. усталый человек	16,8	5,6	-	5,6	11,1	5,6
19. пенсионер	14,0	6,7	13,3	6,7	20,0	6,7
20. безработный	13,1	7,1	7,1	7,1	-	14,3

Эмпирические результаты социологического опроса также показали, что и для титульного этноса республики, и для «русского» сегмента в равной степени важной является конфессиональная идентификация (распространена у 46,1 % опрошенных первой группы и у 40,2 % — второй, что соответствует 7 месту в общем рейтинге) (см. табл. 1–2).

Что касается *групповых идентификаций*, то они в первую очередь сопряжены не с широкими воображаемыми общностями, а с реальными группами повседневного общения. Большинство представителей рассматриваемых этнических групп чаще всего выбирают общность с людьми своего поколения (от 65,7 % у адыгейцев и 61,3 % у русских). Во вторую очередь, более склонны отождествлять себя с гражданами России русские жители РА (37,7 %), тогда как представители титульного этноса делают это в пятую очередь (20 %). Для респондентов первой группы более характерно идентифицировать себя с жителями своей республики (49,7 % и 2 место в рейтинге против 33 % и 4 места). Также для адыгейцев важнее близость к своему этническому сообществу (36,6 % против 21,7 % соответственно). Субрегиональные уровни идентификации не собрали более десятой доли опрошенных (см. табл. 3).

Таблица 3

Распределение ответов групп респондентов на вопрос:

«О каких группах вы можете сказать: “это мы”?»

К каким группам людей вы чаще всего себя относите?» (в %)

Варианты ответов	Адыгейское население РА	Русское население РА
1. К людям своего поколения	65,7	61,3
2. К людям своей профессии, рода занятий	43,4	35,8
3. К людям такого же достатка	20,0	18,9
4. К гражданам России	20,0	37,7
5. К жителям Адыгеи	49,7	33,0

6. К жителям Краснодарского края	4,6	4,7
7. К жителям Юга России	5,7	12,3
8. К жителям Северного Кавказа	7,4	8,5
9. К людям одной веры	14,3	15,1
10. К людям своей национальности	36,6	21,7
11. К людям определенных политических взглядов	9,1	6,6
12. К группе успешных людей	15,4	10,4
13. Я сам по себе и ни к кому себя не отношу	2,9	3,8
14. Другое	1,1	0,9
Всего	296,0	270,8

При ответе на вопрос «Какая характеристика в наибольшей степени отражает свойства Республики Адыгея как особого социально-территориального комплекса?» половина опрошенных двух этнических сегментов указала, что республика является неотъемлемой частью *макрорегиона* Юга России. Еще 37,5 % адыгейцев и 43,3 % русских отметили территориальную включенность их республики в состав Северного Кавказа. По мнению респондентов обеих групп, Адыгею в единое пространство южно-российского макрорегиона интегрирует множество факторов: полиэтничное население (58,4 % — в первой группе и 57,4 % — во второй), тесные экономические связи (37 % и 34 %), общая история (29,4 % и 34 %), а также близкие традиции и обычаи (27,2 % и 20,8 % соответственно).

В то же время результаты опроса показывают этническую специфику в восприятии качеств, объединяющих респондентов с другими людьми, которые живут на общей с ними территории. Для адыгейцев на первое место по числу ответов выходит параметр единства обычаев и традиций (57,1 % против 16,8 % в русской группе) и языка (54,9 % против 24,3 %). Для русского населения Адыгеи более значимыми оказываются общая территория проживания (38,9 % в первой группе против 52,3 % — во второй) и образ жизни (29,1 % против 35,5 %). Кроме того, для титульного населения республики в два раза важнее единство в конфессиональной принадлежности (22,9 % против 10,3 %) (см. рис. 1).

Мнения опрошенных относительно выделения всех республик Северного Кавказа, кроме Адыгеи, в отдельный федеральный округ разделились. Около трети адыгейцев и уже две пятых русских воспринимают данный шаг скорее позитивно (32,1 % и 42,1 %). Соответственно, отрицательное отношение высказывает уже вдвое больше представителей титульного этноса (20,8 %), чем русских жителей республики (11,2 %).

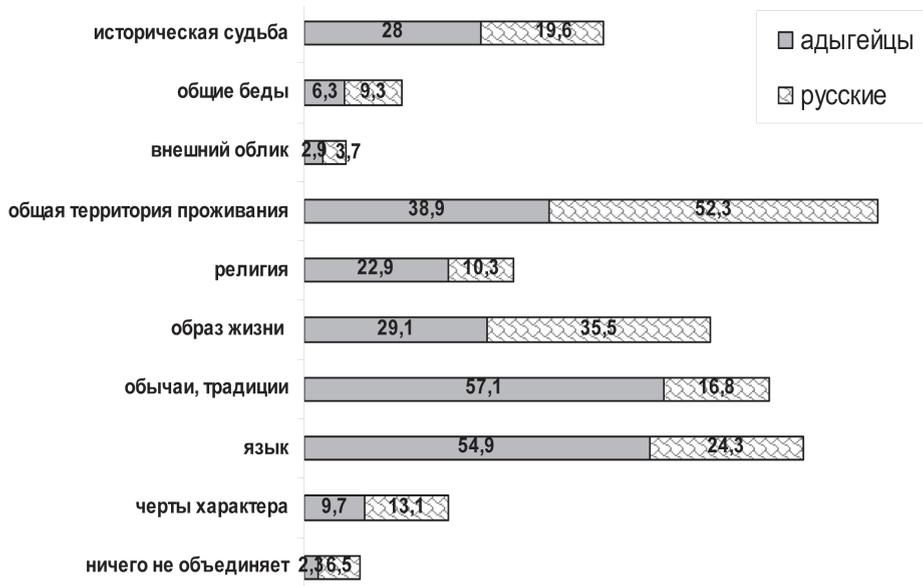

Рис 1. Восприятие населением Адыгеи качеств и особенностей, которые объединяют людей, проживающих в их местности (в %)

Индифферентную позицию по этому вопросу демонстрируют 16,3 % респондентов первой группы и 19,6 % — второй.

Результаты ответов на вопрос об ожидаемых последствиях образования СКФО показывают, что та часть титульного этноса, которая негативно оценивает образование данного федерального округа, связывает эту оценку с исключением из состава СКФО Республики Адыгея. Ведь, с их точки зрения, формирование нового округа скорее будет способствовать стабилизации этнополитической ситуации в регионе (31,6 %) и экономическому росту (18,4 %). Несколько меньше опрошенных первой группы полагают, что, наоборот, в этнополитической и экономической сферах произойдет ухудшение (17,2 % и 10,3 %). В «русском» сегменте и позитивных, и негативных оценок по этому вопросу несколько меньше, хотя, как и в первой группе, преобладает скорее положительное восприятие последствий образований СКФО. И около трети опрошенных двух сегментов полагают, что особых изменений не произойдет (см. рис. 2).

Итак, проведенный анализ специфики региональной идентичности этнических групп населения Республики Адыгея позволяет заключить следующее:

1) в рейтинге «я-идентификаций» в двух рассматриваемых группах лидируют примордиальные комплексы идентификации, однако среди

Рис. 2. Оценка жителями РА последствий образования Северо-Кавказского федерального округа (в %)

адыгейцев на третье место в рейтинге распространенности выходит этническая идентичность, а общероссийская — на четвертое, тогда как для русских жителей этнический и общегражданский наднациональный компоненты в одинаковой степени актуальны и собирают вторые места по общему числу указаний;

2) и для титульного этноса республики, и для «русского» сегмента в равной степени важной является конфессиональная идентификация (7 место в общем рейтинге);

3) этнические особенности *региональной* идентификации проявляются в том, что среди адыгейцев более всего выражен субрегиональный уровень (отождествление с населением республики), а у русских — локальный (житель своего города / села);

4) обращает на себя внимание также и то, что с жителями Северного Кавказа себя чаще отождествляют адыгейцы, а среди русского населения РА более выражена идентификация с Югом России;

5) в структуре «*мы-идентификаций*» доминируют реальные группы повседневного общения; во вторую очередь склонны отождествлять себя с гражданами России русские жители республики, тогда как представители титульного этноса делают это в пятую очередь, а на второе место выносят свою республиканскую принадлежность;

6) около половины респондентов обеих групп оценивают перспективы образования СКФО в позитивном с точки зрения экономики и этнополитики ключе, однако титульное население РА более недовольно

таким разделением ЮФО (видимо, в силу того, что республика не вошла в состав СКФО), тогда как русское население чаще удовлетворено таким положением дел.

Литература

Авксентьев В.А., Бабкин И.О., Хоц А.Ю. Конфессиональная идентичность в конфликтном регионе: Ставрополье // Социологические исследования. 2006. № 10.

Бауман З. Мыслить социологически: Учеб. пособие / Пер. с англ. под ред. А.Ф. Филиппова; Ин-т «Открытое общество». М.: Аспект-Пресс, 1996.

Губогло М.Н. Идентификация идентичности: Этносоциологические очерки. М.: Наука, 2003.

Данилова Е.Н. Изменения в социальных идентификациях россиян // Социологический журнал. 2000. № 3/4.

Данилова Е.Н. Гражданские и этнические идентификации в России и Польше // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России. М.: ИС РАН, 2006.

Денисова Г.С., Дмитриев А.В., Клименко Л.В. Южнороссийская идентичность: факторы и ресурсы. Москва: Альфа-М, 2010.

Социальная идентификация личности / Под. ред. В.А. Ядова. М.: ИС РАН, 1994.

Хоперская Л.Л. Этнополитическая идентичность на Северном Кавказе // Идентичность и интеграция: опыт России и Германии: Юг России — Северный Кавказ. Сб. материалов международной научно-практической конференции. Пятигорск. 15—17 июня 2009. Ростов-н/Д: Изд-во СКАГС, 2009.

Ядов В.А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности // Мир России. 1993. № 3—4.